

Covenant & Conversation

Jonathan Sacks
THE RABBI SACKS LEGACY

ОЧЕРКИ О ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

ИЗ НАСТАВЛЕНИЙ И СТАТЕЙ РАББИ ЛОРДА ДЖОНАТАНА САКСА

Благодарим семью Шиммель за щедрую спонсорскую поддержку цикла Covenant & Conversation, посвященного памяти Гарри (Хаима) Шиммеля. «Я влюбился в Тору рабби Хаима Шиммеля, едва она впервые попала мне в руки. Ее цель – поведать не только о той истине, которая лежит на поверхности, но и о ее взаимосвязи с более глубокой, заветной истиной. Он и его замечательная жена Анна, прожившие вместе 60 лет, вместе построили жизнь, которая была посвящена любви – любви к семье, к общине и к Торе. Эта необыкновенная супружеская пара неизмеримо растрогала меня, подавая пример того, как нужно жить.» – Рабби Сакс

ИТРО

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО СВЕТЛАНЫ СИЛАКОВОЙ

Благодарить, не задумываясь

Десять заповедей — самый известный религиозно-нравственный кодекс в истории человечества. До недавнего времени текст Десяти заповедей украшал и залы судов в США. А ковчеги Завета едва ли не в каждой синагоге этот текст украшает до сих пор.

Рембрандт создал классический образ Десяти заповедей в живописи: изобразил Моше в тот момент, когда, увидев золотого тельца, он порывается разбить скрижали. Огромная фреска Джона Роджерса Герберта — Моше, несущий скрижали Закона с вершины Синая, — занимает видное место в главном зале заседаний комитетов в палате лордов в Великобритании: пара скрижалей с текстом Десяти заповедей символизирует непреходящий закон, опирающийся на верховную власть Б-га.

Нелишне помнить, что «десять заповедей» в действительности вовсе не заповеди. В Торе они называются «асерет а-дварим» (Шмот, 34:28), а в традиции — «асерет а-доброт», что означает «десять слов», или «десять речений».

Это легче понять в свете документов, открытых учеными уже в XX веке, особенно хеттских договоров: они же «пакты о сюзеренитете», датированные 1400–1200 годами до н. э., то есть примерно временами Моше и Исхода. Во многих из этих договоров законы, устанавливаемые ими, сформулированы два раза: вначале в общих чертах, а затем детально, конкретно. Точно так же, как эти два изложения законов, соотносятся между собой «десять речений» и детальные заповеди из недельной главы «Мишпатим» (Шмот, 22–23). «Десять речений» — закон в общих чертах, его основные принципы.

Обычно Десять заповедей представляют зрителю или читателю — средствами графики или в тексте — как две группы по пять пунктов. Заповеди первой группы регулируют отношения человека с Б-гом (сюда входит и повеление чтить отца и мать, ибо они, подобно Б-гу, дали вам жизнь), а второй — отношения человека с его братьями.

Однако небесполезно будет рассмотреть заповеди как группы из трех повелений. Первые три заповеди (есть только Один Б-г, пусть у тебя не будет других богов, не произноси имя Б-га попусту) касаются Б-га, Автора законов, и Власти, наделившей их силой. Вторая группа из трех заповедей (соблюдай субботу, чти отца и мать, не убивай) касается сотворенности жизни. Шабат напоминает нам о рождении Вселенной. Отец и мать дали нам жизнь. Убивать запрещено, потому что все мы созданы по образу Б-га (Берешит, 9:6). Третья группа из трех заповедей (не прелюбодействуй, не кради, не давай ложных свидетельств) касается основных общественных институтов: святости брака, неприкосновенности частной собственности, отправления правосудия. Потеряйте хоть один из этих трех институтов — и свобода окажется под угрозой.

Разделение на группы из трех заповедей акцентирует то обстоятельство, какой странной выглядит десятая заповедь: «Не смотри с завистью на дом твоего ближнего. Не смотри с завистью на жену твоего ближнего, ни на его раба, ни на его рабыню, ни на его вола, ни на его осла, ни на все остальное, что принадлежит твоему

ближнему»¹. Это правило — по крайней мере, на первый взгляд — отличается от всех остальных, поскольку те регулируют слова или дела². А зависть, алчность, желание заполучить то, что есть у другого человека, — это же эмоция, а не мысль, слово или поступок. Ведь над своими эмоциями мы не властны, верно?

В прежние времена эмоции называли «страстями» как раз потому, что мы ничего не можем с ними сделать. Разве можно запретить зависть? По логике вещей можно предписывать или запрещать лишь то, над чем мы властны. И вообще, так ли уж важен спонтанный приступ зависти, если он прошел бесследно, не причинив вреда другим людям?

Однако здесь Тора сообщает нам ряд основополагающих истин, за забвение которых мы дорого расплачиваемся. Во-первых, как напоминает нам школа когнитивно-поведенческой терапии, наши верования и представления о жизни влияют на наши эмоции³. Например, патологически самовлюбленные люди обидчивы, потому что им кажется, что окружающие судачат о них или «смешивают их с грязью» (высказываются неуважительно), — между тем во многих случаях окружающим вообще до вас нет дела. Итак, представления самовлюбленного человека о жизни — заблуждение, но человек все равно испытывает негодование и обиду.

Во-вторых, зависть — одна из движущих сил насилия в обществе. Именно зависть побудила Яго обмануть Отелло, что вылилось в трагические последствия. Приведем пример, который нам ближе: зависть подтолкнула Каина к убийству Авеля. Именно из-за зависти окружающих Авраам, а позднее Ицхак поневоле опасались за свою жизнь, когда из-за не-урожая были вынуждены отправиться на чужбину. Авраам (а позднее в сходных обстоятельствах Ицхак) рассудил: жена у него красивая, а значит, местный правитель его убьет, чтобы забрать жену в свой гарем.

Самый душераздирающий случай — история Йосефа. Коренной причиной ненависти братьев к

нему была именно зависть. Особое отношение отца к Йосефу, его богато расшитая рубаха, его мечты стать правителем над всеми ними — это разбередило в них обиду. А обида подсказала убить Йосефа, в итоге возникло решение продать его в рабство.

Рене Жирар в своем классическом труде «Насилие и священное» говорит, что главная причина насилия — миметическое желание, то есть желание обладать чем-то, что есть у другого человека, а в конечном счете желание стать тем, кем является другой человек. Зависть может привести к нарушению других заповедей: подтолкнуть к прелюбодеянию, краже, лжесвидетельству и даже убийству⁴.

У евреев есть особые причины страшиться зависти. Она столетиями играла роль в существовании антисемитизма. Неевреи завидовали способности евреев расцветать в неблагоприятных обстоятельствах — странному явлению, подмеченному нами в недельной главе «Шмот»: «Чем больше угнетали [этот народ], тем больше он размножился и распространялся». А еще, особенно сильно, неевреи завидовали чувству избранности евреев (хотя едва ли не любой народ в истории человечества считал себя в чем-то избранным⁵). Нам, евреям, крайне важно держаться с чрезвычайными смирением и скромностью.

Итак, в запрете завидовать нет ничего странного. Зависть — основная сила, подрывающая общественную гармонию и общественный порядок — то самое, к чему призваны вести нас Десять заповедей.

Заповеди не только запрещают зависть, но и помогают нам быть выше ее. И помогают «воспарить» над завистью две группы заповедей: с 1-й по 3-ю — напоминание о Б-жественном присутствии в истории и в нашей жизни и с 4-й по 6-ю — напоминание о том, что мы сотворены Б-гом.

Мы находимся здесь, потому что так пожелал Б-г. Мы имеем то, что Б-г пожелал нам дать. К чему стремиться заполучить то, что у других? Если для

¹ Так в английском переводе. В русском переводе Д. Сафронова: «Не пожелай [присвоить] ни дом ближнего, ни жену ближнего, ни его раба, ни его рабыню, ни его быка, ни его осла — ничего [из того], что принадлежит ближнему твоему». — *Примеч. перев.*

² Строго говоря, Маймонид считал, что первая заповедь — предписание верить в Б-га. Однако «Алахот гдолот», согласно трактовке Нах-манида, оспаривает эту точку зрения: там утверждается, что стих «Я — Г-сподь <...> Который вывел тебя из земли Египетской» — не заповедь, а пролог к заповедям.

³ Этот принцип давно присутствует в еврейской мысли. Он представляет собой ядро философии

движения Хабад, изложенной в великом труде рабби Шнеура Залмана из Ляд «Танья». Схожим образом Ибн-Эзра в своем комментарии к этому стиху говорит: мы алчем заполучить только то, что считаем для себя достижимым; мы не завидуем тому человеку, которому никогда не сможем уподобиться.

⁴ Классическая работа на эту тему: Helmut Schoeck. *Envy: a Theory of Social Behaviour*. New York: Harcourt, Brace & World, 1969. См. Также: Joseph Epstein. *Envy*. New York: New York Public Library, 2003.

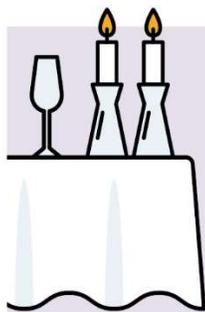
⁵ См. об этом: Anthony Smith. *Chosen Peoples*. Oxford University Press, 2003.

нас самое важное — то, как мы выглядим в глазах Б-га, стоит ли желать каких-то добавочных благ только потому, что у других людей они есть?.. Если же мы перестаем оценивать себя по сравнению с Б-гом и начинаем оценивать себя по сравнению с другими людьми, то наше сознание начинают отравлять соперничество, раздоры, алчность и зависть — а они не приносят ничего, кроме неудовлетворенности жизнью.

Если мне завидно смотреть на вашу новую машину, я, возможно, вздумаю купить себе машину подороже, от которой мне нет никакого проку, но на несколько дней я успокоюсь... Пока не обнаружу, что у другого соседа машина еще дороже — и все пойдет по второму кругу. Если же мне удастся ублажить свою зависть, то лишь ценой того, что я разбужу зависть в вашем сердце: таков порочный круг демонстративного потребления, из него просто так не вырвешься... Вспоминается песня «Наклейки на бамперах»: «Выигрывает тот, кто умрет, накопив больше всего игрушек»⁶. Здесь ключевое слово — «игрушки», ведь этика эта детсадовская, не-уместная во взрослой жизни...

Противоядие от зависти — чувство благодарности. «Кто богат?» — спросил Бен-Зома и сам же ответил: «Тот, кто радуется тому, что имеет». Есть прекрасная еврейская практика, которая при ежедневном применении кардинально меняет жизнь человека. Первые слова, которые мы произносим, проснувшись утром, — «модэ ани лефанеха»: «Благодарю Тебя, Царь живой и вечный». Мы благодарим, не задумываясь.

Иудаизм — это благодарность с удвоенной силой. Если излечиться от болезненных склонностей — отучиться чувствовать уныние при виде чужого счастья, — в твое сознание хлынет волна позитивной энергии, и ты сможешь радоваться тому, что у тебя есть, вместо мыслей о том, что есть у других. Сможешь быть самим собой, а не мечтать сделаться кем-то другим.

Around the Shabbat Table

1. In your experience, is envy a natural emotion?
2. Is there a positive side to the existence of envy in our lives?
3. How can letting gratitude into your life help you to avoid envy?

● These questions come from this week's **Family Edition** to Rabbi Sacks' Covenant & Conversation. For an interactive, multi-generational study, check out the full edition at www.rabbitsacks.org/covenant-conversation-family-edition/yitro/to-thank-before-we-think.

⁶ Песня канадской панк-группы S.N.F.U. — *Примеч. перев.*